

48. Гуревич А. Я. Проблемы... С. 204.

49. См.: Дворецкий И. Х. Указ. соч. С. 358.

50. Есть сведения, что словом «maguspices» еще в эпоху классического средневековья именовались «гадатели-специалисты». См. об этом: Карсавин Л. П. Указ. соч. С. 119.

**Александр Георгиевич ЕМАНОВ —
заведующий кафедрой
истории древнего мира и средних веков,
профессор, доктор исторических наук**

УДК 940.1

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА КАФЫ XIII-XV вв. *

АННОТАЦИЯ. В статье продолжается исследование феномена полиэтнической культуры средневекового города Кафы. Акцент делается на иудейской и мусульманской системах образования, которые по своему уровню не уступали латинской и греческой системам и приближались к уровню высшей школы. Рассматриваются традиции западной и восточной книжности, деятельность скрипториев, библиотек, архивов. Впервые характеризуется литературная деятельность интеллектуалов самой Кафы.

In clause proceeds the research of a phenomenon of polyethnic culture of medieval city Caffa. The accent is made on judaic and mussulman systems of the education, which on the level did not concede to latin and Greek systems and came nearer to a level of a higher school. Are considered the traditions by western and east book-knowledge, activity of scriptories, libraries, archives. For the first time is characterized the literary activity of intellectuells of Caffa.

Наблюдения о латинской школе в Кафе позволяют утверждать, что она приближалась по уровню подготовки к младшим факультетам европейских университетов. Успешное прохождение программы семи свободных наук давало право аттестации по окончании курса на степень магистра. Из профессоров, среди которых были латиняне и греки, армяне и даже поляки [1], упоминался уроженец Кафы Винченцо Мерлани, получивший латинское имя после крещения в католичество и закончивший местную школу. Наибольшей известностью пользовался в первой половине XV в. профессор грамматики Альберто Альфиери, автор «Диалога в царстве мертвых» [2], прорицавший появление героя, способного объединить западное и восточное христианство на основе признания католической доктрины; само это сочинение являет собой демонстрацию учености многочисленными цитатами из римских и греческих авторов, реминисценциями из эллинской мифологии.

Параллельно с этим действовали иудейские школы. Хотя по повседневному укладу жизни, костюму, разговорному языку, евреи и караимы уподобились татарам, по религиозному образованию они оставались верными традиции. В XIV-XV вв. в школах при еврейской синагоге и караимской кенассе в Кафе велось преподавание древне-еврейского языка, вероучения и закона. Иаков, караимский гахам Газарии, был одним из видных учителей, прошедшим подготовку и получившим первоначальный опыт преподавания в Израиле; он «образовал многих учеников». Его сын — Паши — также был учителем в Кафе [3].

* Начало см.: Вестник ТГУ. 1999. № 2. С.199-205; 2001. № 1. С. 110-116.

Что касается образования у мусульман, то, по-видимому, в Кафе при местных мечетях давали элементарную подготовку в чтении и письме, а более фундаментальное обучение проходили в медресе и училищах соседнего Солката [4], где была возможность изучать так называемые старые дисциплины (ал-улум ал-кадима), а именно: филологию, догматику, право, историю, и «новые» науки (ал-улум ал-хадиса), т. е. астрономию, математику, медицину, философию, которые имели некоторую аналогию с греко-римской системой универсального образования. Должно быть, там получали квалификацию упоминаемые в различных источниках хафизы — чтецы Корана, знающие его наизусть, мунаджимы — астрономы и астрологи, кади, сведущие в шариате, и скрипторы арабского и уйгурского письма. Впрочем, отдельные из мусульманских ученых, как например Шараф ад-Дин из Александрии, получали образование в Египте и Персии [5].

Рассмотренные центры образования в Кафе были одновременно и скрипториями, и библиотеками, и вообще средоточием книжной культуры. В латинских церковных и светских скрибаниях изготовлялись книги по католическому вероучению, каноническому и римскому праву, на которые постоянно делались ссылки в частных и публичных юридических документах Кафы XIII-XV вв., формулярии с образцами нотариальных актов, трактаты по риторике, учебники, как уже называвшийся «Кодекс Куманикус», различные иные практические руководства [6]. В греческих монастырях создавались копии как многочисленной теологической литературы, так и античных сочинений, например, сохранившихся кодексов «Илиады» Гомера, «Географии» Страбона, «Описания Эллады» Павсания и «Истории» Фукидида [7]. В армянских мастерских переписывались книги «Священного Писания», богато украшавшиеся миниатюрами, и труды теологов [8]. В еврейской синагоге свято хранились свитки «Талмуда», а в караимской кенассе почитались как особая ценность кодексы «Пятикнижия»; в частности, сохранился так называемый кодекс Кауфмана, содержащий «Тору» или «Пятикнижие» из кафской кенассы, составленный писцом по заказу Элиша в 1298 г., затем проданный за 280 соммо Илии бен Халебу и подаренный этим последним в 1320 г. общине Солката [9]. Два других кодекса конца XIII — начала XIV вв. также были жертвоприношениями частных лиц кенассе: в первом случае — некоего Сабатая, сына Иакова, оказавшегося в состоянии тяжелой болезни, во втором случае — некоего Елеазара [10].

В XV в., как мне представляется, в Кафе появились светские книжные мастерские, объединявшие писцов-каллиграфов, художников-иллюстраторов, переплетчиков, вокруг которых вращались торговцы книгами. Известным отражением деятельности подобной мастерской, функционировавшей за пределами монастырских стен, является нотариальный акт, составленный Эммануэле Гранелло в помещении массарии и монетной оффиции коммуны [11]. Согласно этому документу, мастер Джакомо Траверсаньи, предшественник книгопечатников и издателей, продал за 1000 аспров партию книг, изготовленных, скорее всего, в его мастерской, некоему Паоло Натоне, книготорговцу; причем акт предусматривал, что Траверсаньи не будет продавать книги такого же качества и содержания другим лицам, пока Натоне не реализует приобретенную им партию. Ввиду отсутствия каких-либо указаний, историку остается лишь строить предположения о возможном репертуаре книг. Скорее всего, они были светского и учебного содержания, поскольку церковная и религиозно-дидактическая литература по-прежнему копировалась и переписывалась в монастырях. По-видимому, они предназначались для светских школ, городских библиотек и отдельных граждан, наподобие Антонио Финале из известной в Кафе геновской фамилии, которому, судя по автографу 1303 г., принадлежал куманский кодекс [12].

В городе, как известно из статута 1449 г. [13], существовал коммунальный архив со своим штатом сотрудников, помещениями в башне Св. Антония, стеллажами

и ящиками для хранения книг и документов, однако не сохранилось никаких сведений о деятельности публичных библиотек, доступных не только школярам и учителям, но и просто горожанам. И все же такие библиотеки в Кафе, вероятно, были. Скорее всего, из библиотечного экземпляра Гомера были сделаны выписки одним кафиотом-греком, оказавшимся среди его хозяйственно-деловых бумаг [14]. Точно также из медицинского пособия городской библиотеки мог быть выписан одним бюргером рецепт мази от чесотки, оказавшийся записанным на оборотной стороне нотариального акта [15].

Читательский круг не мог быть особенно широким, чем и была вызвана клаузула упоминавшегося акта Гранелло, но он, определенно, существовал. Его составляли служащие коммун, обязательно обладавшие образовательным цензом, судьи, нотариусы, врачи. Отдельные из них выделялись высоким уровнем образования: консулы, а иногда и викарии, были не просто юристами, но докторами права (*legum doctores*), как например, Бартоломео ди Джакомо, занимавший консульскую должность в 1365 г., или Джорджо Адорно, возглавлявший управление в Кафе в 1410, 1412, 1415 гг. и между вторым и третьим сроками являвшийся дожем Генуи [16]. Кое-кто из официалов обладал начитанностью и эрудицией, позволявшей общаться с интеллектуалами такого масштаба, как Кириако Анконский [17], предоставляя итальянскому гуманисту информацию о Херсонесской Таврике, Кафе, Чембальской крепости. Обычные купеческие письма обнаруживают порой книжную осведомленность своих составителей, как например, послание Николетто Гатта, в котором встречается аллюзия на сатирический животный эпос «Лис Ренар» [18].

Вместе с тем историк, изучающий правовые тексты, соприкасается с очевидными фактами безграмотности горожан и даже купцов, казалось бы, принадлежавших к состоятельному сословию, статус и социально-экономическая роль которого кажется немислимой без элементарного образования. Далек не единичны случаи, когда при скреплении подписями документа не умевшие писать свидетели просили поставить подпись вместо них нотариус или грамотного товарища [19].

Высшая светская школа и публичные библиотеки, конечно же, служат важным показателем развитости города. Однако наиболее точным индикатором его духовной самостоятельности и социального самосознания выступает собственная письменная культура и, между прочим, собственное историописание. В Кафе, как уже отмечалось, не только копировались литературные произведения, созданные как на Западе, так и на Востоке, но и писались собственные. Упоминавшийся «Диалог» Альфиери — только одно из них. В нем содержатся и реалистические описания города, отличавшегося грязью в зимнее время и пылью в летние месяцы, и хвалебные гимны. Автор был убежден в том, что именно генуэзцам Кафы отводится решающая роль в установлении мира в регионе, когда они будут определять правителей татар.

Было бы несправедливо оставить без внимания вызывающий различные интерпретации «*Διήγησις τῆς πόλεως Θεοδώρου*» Матвея, написанный в конце XIV в. в традициях греческого стихосложения. С. Меркати, обнаруживший это поэтическое описание города и опубликовавший его в 1927 г., считал, что оно посвящено Кафе [20]. Современные историки Х. Бушхаузен и П. Шрайнер [21] также считают его навеянным впечатлениями от путешествия по Кафе, названной поэтом в античной греческой манере «*εὐδώρου*», «Божий Даром». Однако А. А. Васильев, а в современной историографии С. П. Карпов и Х.-Ф. Байер [22] предложили не менее серьезную идентификацию с Мангупом, обозначавшимся в греческих и латинских источниках «Феодоро».

Как и всякий поэтический текст, «Диэгезис» представляет собой соединение рационального и иррационального планов; по существу, он оказывался мистическим диалогом путника и «города». На описание реального полиса накладывалась алле-

горическая образность, идущая от апокалиптических видений Небесного Иерусалима: «... Чудный город стоит в центре, словно стол на ровной поверхности. Его стены идут от самого неба, несокрушимые рукой человеческой...». Далее, путник нашел древнюю дорогу, которая, подымаясь по спирали, привела его к «прекрасным вратам». «Кто сможет рассказать без слез и затаенного дыхания, — восклицал поэт-странник, — о расположении портиков, о кладке из огромных камней, колоннадах и пилонах, о восхитительных постройках, со внесенным ввысь кафедральным храмом...» [23]. Пройдя через врата, он увидел изумительную равнину между четырьмя холмами, чистейшие реки, цветущие сады, бьющие ключом фонтаны, места, полные блаженной прохлады. Перед ним открылись великолепные храмы, украшенные мозаичными полами и увенчанные круглыми и продолговатыми куполами. Поднявшись по каменным ступеням на башню, путешественник обозрел вою панораму великого города, блиставшего храмами и дворцами, уступавшего разве что Константинополю; он увидел надгробные скульптуры, изображения и далее — вновь будто из сцен «Страшного Суда» — тела мертвых, головы без скелета, кучи бранных останков. Устрашенный визионер спустился вниз, прошелся мимо изящных дворцов и грациозных вилл, отделанных сверкающим мрамором, мимо каменных домов. Он вновь поднялся наверх и увидел подходы к городу по сухопутным дорогам и морю, увидел рвы и валы. И тут поэт обратился с восклицанием-вопросом: «О, удивительный город! Названный «Божий Даром»! Кто тот замечательный мастер, который сделал рвы, соорудил валы, воздвиг необыкновенные стены и башни...?» И «город» «ответил»: «Ты в действительности являешься свидетелем моего унижения и ничтожества перед лицом Божественного Мастера, который создал небо и землю и который является Высшим Архитектором и Мудрейшим Творцом...» [24].

В приведенном описании, если освободиться от символизма, многое может быть с равным успехом отнесено и к Мангупу-Феодоро, и к Кафе-Феодосии. Однако ряд деталей — валы, рвы, реки, многочисленные фонтаны и, конечно, вид на море — заставляют меня обращаться именно к Кафе. Еще одним аргументом в пользу высказанного отождествления может служить упоминание Газарии, в которой находился описанный город, поскольку Газарией, в узком смысле слова, в географических описаниях XIII-XV вв. обозначалась Восточная часть Крыма, в то время как Западная часть, где находился Мангуп, традиционно именовалась Готией [25]. И тогда некоторые другие моменты описания могут найти истолкование в особенностях кафского городского ландшафта: «изумительная равнина» — это, конечно же, равнина между стеной цитадели и внешней западной стеной, где протекали речки, находились водоемы и большая часть из 30 городских фонтанов; она действительно заключалась четырьмя холмами — Карантинным, где находился консульский замок, Митридатовым, где высилась Башня Св.Фомы, «Безымянной», где стояла «Южная» Башня армянской крепости — Айоц Берд, и холмом, увенчанным Круглой Башней Джованни ди Скаффа. В этой части города находились храмы разных конфессий, разнообразных архитектурных форм, с круглыми и вытянутыми шатровыми куполами.

Наконец, видение мертвых также может соотноситься с реальной историей Кафы 1395 г., когда был написан «Диэгезис». Поэт не удержался от вопроса о причинах гибели такого множества людей и «услышал» от «города» о нападениях и штурмах в течение семи лет бесчисленных «агарян», как в византийской традиции называли кочевников-мусульман, о страшной осаде, закончившейся через 9 лет сдачей города врагу [26].

Действительно, в 1380-1386 гг., до заключения мира 1387 г., Кафа находилась в состоянии войны с татарами, когда на город нападали отряды наместника Крыма, когда к его стенам и башням подступали воины эмира Пулада и орды Токтамышы, преследовавшего укрывшегося в Кафе Мамаю [27]. Действительно, 9 лет спустя город

был осажден Тимуром и, как сообщалось в некоторых восточных источниках [28], взят. Такой исход, как и подобает в мистически ориентированной поэзии, объяснялся гневом Божиим за многочисленные преступления горожан. И здесь еще большим чудом, не нуждавшимся в дальнейших объяснениях, явилась не безлюдность городских улиц, но совершенная нетронутость публичных и частных строений города.

Осознание общности судьбы горожан, определявшейся, правда, не провидением, но человеческим разумом, ощущается в написанной гекзаметром идилии неизвестного грекоязычного поэта первой половины XV в. [29]. Ей также присуща диалогичность, но куда более реальная. Одним из участников диалога был Филемон, представитель местного пастушеского населения, на что косвенно указывает его аллегорическое имя — «любящий лошадей». Его собеседником был Ксенофон, «говорящий на чужом языке» грек, скрывшийся под таким символическим псевдонимом автор сочинения. Как сообщал Филемон, правитель города — кирие Павел — послал своего сына пресечь преступления могущественных людей, грабивших местное население, и возратить отнятые стада, и таким образом сын Павла вернул Филемону его свободу и состояние. Ксенофон поинтересовался, как его собеседнику удалось приобрести расположение столь могущественного мужа, ведь не мог же он предложить своему благодетелю в дар за помощь флейту, единственную оставшуюся собственность пастуха. Напротив, отвечив Филемон, ему не пришлось делать даров, поскольку Павел исполнял свое благородное дело не ради вознаграждения, но ради восстановления закона и справедливости (Δίκη), ибо в богатстве он столь же велик, как и в добродетели. Ксенофон согласился с этой заслуженной похвалой правителя и добавил, что он также благодарен ему за освобождение от тяжелой кабалы. Филемон вновь произносит хвалебные олова о добродетельности кирие, который установил мир и порядок на подвластных ему землях, и для управляемого им народа вновь наступил золотой век. Отныне Беззаконие (Αδίκη) изгнано, оно скрывается далеко за горами, рыдает и жалуется, что Павел уже прежде изгонял его и что сейчас ему угрожает полное искоренение. Но народ, слышащий эти стенания Адике, превозносит своего правителя как Бога, в то время как злоба наполняет сердца его врагов. Ксенофон в заключение выражает радость о совместном спасении и в благодарность за деяния Павла берется сочинить оду, благодаря которой слава о справедливом правителе распространится по всему свету.

В хвалебной идилии имелся в виду генуэзский консул Кафы 1438 г. Паоло Имперiale, заслуги которого в установлении мирных отношений латинян с греками и армянами в Газарии особо отмечались в актах Флорентийского собора. После подписания унии 1439 г. Паоло имперiale был удостоен от римского папы Евгения IV титула графа Палатинского [30]. Кроме Паоло в Кафе действовали в то время и другие представители рода Имперiale, в том числе племянники [31]. В реальности, правда, 1438 г. был далек от патетически завышенного сравнения с наступившим золотым веком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Serra G. Storia della antica Liguria e di Genova. Capolago, 1834. Vol. IV. P. 52; Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri // Atti della società Ligure di storia Patria. Genova, 1879. Vol. VII. P. II. P. 873-876.
2. Alfieri A. Ogdoas/ A cura di A. Ceruti // Atti della società Ligure di storia Patria. Genova, 1879. P. 253-320.
3. Хвольсон Д. А. Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма. СПб., 1882. С. 139; Chwolson D. Corpus inscriptionum hebraicarum. SPb., 1882. S. 220-221, 232-233; Harkawy A. Altjudische Denkmaler aus der Krim. SPb., 1876. Bd. XXIV. N 1. S. 190.
4. Defremery C. Sanguinetti B. R. The Travels of Ibn Battuta a. d. 1325-1354. Cambridge, 1972. P. 470-471.

5. Ibid.; Бороздин И. Н. Солхат. М., 1926. С.1-5,14-15,31; Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII-XV в. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т.1. С.4; 1929. Т.3. С.1-8.
6. Drull D. Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung. Stuttgart, 1980. S.39.
7. Παπαδοπούλου Κεραμεύς Α. Ιεροσολυμιτική βιβλιοφηκη. Ρ., 1891. Τ.Ι. Ρ.30; Trapp E. Prosographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Wien, 1983. Fasc. VI. N13893, 13895; Schreiner P. Gli intellettuali nelle colonie italiane dell Oriente Bizantino // Storia dei genovesi. Genova, 1995. Vol. XII. P.359; Gamillscheg E., Harlfinger D. Repertorium der griechischen Kopisten 800-1600. Wien, 1989. Т. II. № 457.
8. Дрампян И. Р., Корхмазян Э. М. Художественные сокровища Матенадарана. Ереван, 1980. С.169 и др.
9. Chwolson D. Corpus inscriptionum hebraicarum. № 126.
10. Ibid. № 136, 138.
11. Balletto L. Genova. Mediterraneo. Mar Nero. Genova, 1976. P. 288-289.
12. Gronbech K. Codex cumanicus. Kopenhagen, 1936. Fol. 82.
13. Vigna A. Statutum Caphae // Atti della societa Ligure di storia Patria. Genova, 1879. Vol. VII. P. II. P. 631-633.
14. Schreiner P. Texte zur spatbyzantinischen Finanz- und Wirtschaftsgeschichte in Handschriften der Biblioteca Vaticana. Citta del Vaticano, 1991. S. 289.
15. Bratianu G. Actes des notaries genois de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siecle. Bucarest, 1927. P. 20-21.
16. Balbi G. Georgii et Iohannes Stellae «Annales genuenses» // Rivista italiana storica. Nuova serie. Bologna, 1975. Vol. XVII. № 2. P. 166; Kedar B. Merchants in Crisis: Genoese and Venetian Men of Affairs and the Fourteenth-Century Depression. L., 1976. P. 70-71; Barker J.W. Miscellaneous Genoese Documents on the Levantine World of the Late Fourteenth and Early Fifteenth Centuries // Etudes balkaniques. Ρ., 1979. Vol. VI. № 1/2. P. 55; Ducae Michalis Ducae nepotis historia byzantina. Bonnae, 1834. P. 209; Argenti Ph. The Occupation of Chios by the Genoese and their Administration of the Island 1346-1566. Cambridge, 1958. Vol. I. P. 169; Vol. III. P. 900; Trapp E. Prosographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Wien, 1976. Fasc. I. № 302.
17. Belgrano L. Seconda serie di documenti riguardanti la colonia di Pera // Atti della societa Ligure di storia Patria. Genova, 1884. Vol. XIII. Fasc. 5. № 18.
18. Morozzo della Rocca R. Lettere di mercanti a Pignol Zucchello (1336-1350). Venezia, 1957. P. 16.
19. Kedar B. The Genoese Notaries of 1382: The Anatomy of Urban Occupational Group // The medieval city. L., 1978. P. 73-94; Balletto L. Momenti di vita genovese nella Caffa del Banco di San Giorgio // Bulgaria Pontica medii aevi. Sofia, 1992. P. 112.
20. Mercati S. G. Δήγησις της πόλεως Θεοδώρου // Studi bizantini. Roma, 1927. Vol. II. P. 19-30; Idem. Collectanea bizantina. Roma, 1970. Vol. I. P. 385-398.
21. Schreiner P. Studia byzantino-bulgarica. Wien, 1986. P. 140-141.
22. Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge Mass., 1936. P. 188-192; Карпов С. П. Реф.: Bulgaria pontica medii aevi. Sofia, 1988 // Реф. журнал. общ. науки за рубежом. Сер. Ист. М., 1989. № 2. С. 146-151; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
23. Mercati S. G. Op. cit. P. 392-393.
24. Ibid. P. 394.
25. Santarem M. Atlas compose de mappemondes et de cartes hydrographiques et historiques depuis le XI jusqu au XVII siecle. Ρ., 1842. Fol. 32; Desimoni L. L atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. T. Luxoro // Atti della societa Ligure di storia Patria. Genova, 1867. Vol. V. Tav. VIII; Kretschmer K. Die italienische portolane des Mittelalters. В., 1909. S. 643.
26. Mercati S. G. Op. cit. P. 395-396.
27. Срезневский И. И. Задонщина Великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича. СПб., 1858. С. 26; Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. XI. С. 69.
28. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1. С. 442, 454.
29. Mercati S. G. Op. cit. P. 396.

30. Giustiniani A. Annali della Repubblica di Genova. Torino, 1537. Fol. 140; Lunardi G. Le monete delle colonie genovesi // Atti della società Ligure di storia Patria. Nuova serie. Genova, 1980. Vol. I. P. 102; Sturm J. Ein unbekanntes griechisches Idyll aus der Mitte des XV Jh. // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1901. Bd. X. S. 450-451.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 01-01-15050з

Александр Константинович МАТЮКОВ —
начальник отдела духовной культуры
этнографического музея
г. Ханты-Мансийска

УДК 930. 1

ИЗУЧЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ МЕДИЕВИСТИКИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена формированию теории Ренессанса в России в первой половине XIX в. Автор анализирует труды первых российских медиевистов — Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева.

This article is devoted to the problem of Renaissance concept developed by the Russian historical science in the first half of the 19th century. The author analyses the works by the first Russian medievalists T. N. Granovsky and P. N. Kudryavtsev.

Обращаясь к отечественным исследованиям эпохи Ренессанса, необходимо прежде всего проанализировать восприятие гуманистических идей русской интеллигенцией. Социальные отношения в России первой половины XIX в. характеризуются чрезвычайной напряженностью. Неизбежно в эти годы проводились исторические параллели с зарубежной историей, при этом особый интерес вызывали идеи эмансипации личности. Николай Васильевич Гоголь (1809-1852) читал в Санкт-Петербургском университете в 1834-1835 гг. курс лекций по истории Средних веков. В программе курса им было отмечено, что одновременное существование двух папских престолов «и раздоры от этого объемлют Европу и ослабляют всеобщее мнение. Университеты, алхимики и начало возрождающихся знаний быстро помогают тому и приготавливают Европу к всеобщему взрыву» [1]. Н.В. Гоголь эмоционально передал представления об атмосфере эпохи, косвенно выразив и свое стремление к свободе творчества. Мыслитель европейского масштаба, Александр Иванович Герцен (1812-1870), в 40-е гг. написал две работы, [2] в которых отчетливо показал свое понимание итальянского Возрождения и Реформации: «Наконец, после тысячелетнего беспокойного сна, человечество собрало новые силы на новый подвиг мысли; в XV веке пробуждаются иные требования, тянет утренним воздухом. Настала эпоха переделывания. Внимание людей обращалось все более и более на реальные предметы... В Италии всего ранее раздавались новые требования» [3]. А. И. Герцен большое внимание уделяет проблемам языка науки. Литературные метафоры его статей обусловлены отсутствием специальной терминологии — итальянское Возрождение как культурно-исторический процесс, как самостоятельная эпоха только начинает изучаться и в Европе, хотя, конечно, об истории Италии XIV — XVI вв. писали и раньше, а представление об особой эпохе заметно уже в работе Джорджо Вазари. Русский философ за несколько лет до выхода книги известного французского историка Жюль Мишле (1856 г. «La Renaissance»), с именем которого на западе связыва-